

ПОПОВА Людмила Дмитриевна, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и религиоведения Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 70 научных публикаций, 5 монографий и одного учебного пособия

ПОДВОРЬЯ АРХАНГЕЛЬСКА В САКРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ ПОМОРЬЯ

В статье предпринята попытка выделить сублокальные доминанты паломнических посещений, осуществляемых через подворья Архангельска. Показана роль подворий, являющихся не только связующей нитью с монастырями, но и их символической манифестацией в геокультурном пространстве города.

Ключевые слова: Архангельск, монастыри, подворья, паломничество, геокультурное пространство, сакральная география Поморья.

Монастырь, по меткому замечанию Д.С. Лихачева, – это не только официальная церковность. «Монастырь – это и его рядовые монахи из крестьян, это и его трудники – тоже крестьяне, это и его паломники, приехавшие сюда со своими жизненными невзгодами, это и... стрельцы и солдаты, ремесленники и мастера. Это кипучее и пестрое сообщество людей... вносящее в жизнь Русского Севера движение и развитие»¹. Таким был и Михайло-Архангельский монастырь как один из центральных локусов сакральной географии Поморья, «древностию все Московские монастыри превосходящая обитель, построенная во втором надесять столетствии»².

Построенный на возвышенном мысе, замкнувший речные перспективы – верхнего и нижнего течений, он выражал идею субстанции-

нального размежевания земного и небесного, т. е. образа небесного и земного рая, иной мир. Возвышенный глинистый берег круто спускался к глубокой Северной Двине, а с другой стороны монастырь окружался густым сосновым бором, как бы нависшим над рекой. Здесь, среди дикого и глубокого бора, стояла скромная деревянная обитель иноков во имя чуда Архангела Михаила. Другого жилья на берегу не было³. Выбор местности для монастыря в лесу, на высоком берегу реки диктовался, скорее всего, представлениями о том, что первозданная природа безгреховна, упорядочена самим Богом, гармонирует со стремлением к совершенствованию. У Григория Нисского, особенно популярного на Руси с XIV века, есть «Слово о первозданной красоте мира». В этом сочинении объясняется, почему цени-

лась в Древней Руси дикая природа: нетронутая природа знаменует собой порядок и благообразие, гармонирующее с подвижнической жизнью отшельника, желающего посвятить себя Богу. Во многих средневековых письменных источниках проводится мысль о том, что путь в земной рай лежит через монастырь, отшельничество. Монахи считались ангелами во плоти. Поэтому, как пишет Д.С. Лихачев, монастыри ставятся в красивой и безлюдной местности⁴. Жития русских святых полны описаний выбора места для монастырей среди дикой природы. Эти представления с их стремлением к уединенной жизни поддерживались и учением исихастов (особенно Нила Сорского). Однако уединенность Михайло-Архангельского монастыря в конце XVI века была нарушена.

Возвышенный мыс большой реки, где имела глубокая гавань – удобная стоянка для морских судов, потребовался для строительства городской крепости. Строения монастыря оказались внутри ее. Таким образом, монастырь входит в пространство профанного. После городского пожара 1636 года его переносят на новое место – вверх по берегу Северной Двины, в Нячеры (ныне это район пересечения набережной Северной Двины и ул. Смольный Буян). Перенос монастыря из центра города на его периферию превращал все городское пространство в ансамбль храма Михаила Архангела как покровителя Поморской земли, ставшего пристанищем и для паломников, стремившихся в северные обители через Архангельск. Многие из монастырей стали строить здесь свои подворья.

Появление в Архангельске подворий – административных и хозяйственных представительств монастырей было обусловлено экономическими причинами. Многие северные монастыри, призванные обеспечивать духовный контакт с материком через подворья, которые занимались приемом паломников и отправляли их в монастыри, вели беспощадную торговлю солью, сплавливали ее на продажу сначала в Архангельск. Из Архангельска на дощачниках везли соль в Холмогоры, из Холмогор

Вологду и далее в Москву. Монастыри торговали и другими товарами: ворванью, звериной кожей и салом, рыбой. Для этого в городе им нужны были склады и лавки, причем там, где велась бойкая торговля, в непосредственной близости у древнейшего торгового центра на так называемом Юрьевом взвозе (современная территория по Набережной от ул. К. Либкнехта до ул. Поморской). Здесь появились подворья Антониево-Сийского, Николо-Корельского, Спасского с Унских рогов (имеется в виду Пертоминский монастырь) и Соловецкого монастырей⁵. По данным переписи 1646–1647 годов, кроме указанных подворий, впервые назван двор Животворящей Троицы Сергиева монастыря⁶. Много верст отделяет Троице-Сергиев монастырь от Архангельска. Однако это не помешало ему иметь здесь свое подворье. Монастырь еще в XVI веке завязал торговые связи в Беломорье и имел свою вотчину в Чухчерьме – районе Холмогор⁷.

В конце XVIII – начале XX века на углу наб. Северной Двины и пер. Банковского находилось подворье Соловецкого монастыря. Через квартал от Соловецкого подворья, на углу наб. Северной Двины и ул. Смирной – подворье Николо-Корельского монастыря. На углу Набережной и ул. Театральной (ныне ул. Володарского) разместилось подворье Пертоминского монастыря. Рядом с Пертоминским же подворьем, на углу пр. Троицкого и ул. Театральной находилось подворье Красногорского монастыря. Огромное каменное трехэтажное с подвалом здание подворья Сурского Иоанно-Богословского монастыря, построенное в 1907 году, формировало Оперную площадь. Антониево-Сийский монастырь имел дома в разных частях города: один – на ул. Купеческой, напротив Рождественской церкви, в квартале между Буяновой и Соборной улицами, другой – на наб. Северной Двины. Там же находилось и подворье Онежского Крестного монастыря.

В этот период монастыри по-прежнему участвовали в торговле, нередко составляя серьезную конкуренцию городским жителям, и играли благодаря своим великолепным комплексам

важную градостроительную роль в старой торговой части исторического центра Архангельска. Это были ансамбли, похожие по своей структуре на монастырский вариант. Подворья являлись малыми монастырями на материке, и монашеская братия жила в них монастырским уставом. Одно из назначений подворий – производственно-хозяйственное. Они заключали различные сделки, реализовывали продукцию монастырей, сдавали в аренду торговые лавки, гостиницы.

И все-таки городские подворья прежде всего были призваны обеспечивать духовный контакт монастыря с мирянами, и помогали сохранять такое уникальное проявление народной веры, как паломничество. Паломничество было особой формой покаяния, испытания, средством очищения, подготовкой к Судному дню. Паломничество к наиболее чтимым святыням, главной целью которых было посещение монастырей и поклонение мощам их святых, являлось частью жизненного уклада архангелогородцев. Из Дневников Б.В. Шергина следует: «Город стоял на водах – порт, близ моря. Мало кто ездил “на дачу”, но семья хоть раз в лето собиралась “на богомолье” – к Соловецким (Зосиме и Саватию. – Л.П.), к Антонию Сийскому, к Ивану и Логгину Яреньским, к Вассиану и Ионе Пертоминским... Особенная жизнь, особенная природа, особенный быт... жизнь, не боящаяся смерти, и смерть как праздник. Жили в монастырях люди, умершие для радостей мира, но как тускнели и умалялись радости мира перед святым иноческим житьем»⁸.

Такое «тяготение населения... к конкретным духовным центрам и святыням... позволяет выделить определенные ареалы традиционных паломнических хождений, характерных именно для данной территории»⁹. Посещение обители, которая находилась отдаленно, было связано с желанием поклониться святым мощам либо испросить помощи у местных чудотворцев, исполнить какой-либо религиозный обет: «“По обещанию” едут – за кого родители пообещались, “едут год отработать”»¹⁰. Это

отвечало религиозным потребностям верующих и определило генезис феномена паломничества. Выработались и устойчивые паломнические маршруты, охватывающие главные святыни беломорского ареала, обозначившие его узловое сакральные центры. Среди них выделяются сублокальные доминанты паломнических посещений, особенно Антониево-Сийский и Соловецкий, Николо-Корельский и Онежский Крестный, а затем Веркольский, Красногорский, Иоанно-Богословский (Сурский) монастыри и др.

В пространственном контуре своего религиозного влияния Соловецкий монастырь с чудотворной силой Зосимы, Савватия и Германа притягивал к себе наибольшее количество местных богомольцев. Почему Соловки были северной Меккой? По мнению Н.М. Ведерниковой, здесь имеется несколько факторов: островное положение монастыря, усиливающее образ небесного града; сама история монастыря в ее реальности и мифах; удаленность и труднодоступность (преодоление тягот пути являлось необходимой частью паломничества – фактор, чрезвычайно важный в понимании этого явления); эстетический фактор, который определялся всей совокупностью впечатлений, исходивших от моря, островов, его построек¹¹. В народной традиции паломничество на Соловки по обету («овету») было наиболее распространенным: причем в большей степени характерна личная форма обета – «по обещанию поработать на преподобных Зосиму и Савватия», «по вере» и «усердию потрудиться для Святых чудотворцев». Как пишет Ф.Н. Берг, в иных семьях отцы по какому-нибудь случаю дают обет, что их первенцы поработают на святое дело и мальчиков посылают в Соловки, где они безвозмездно работают на монастырь, в котором за то их обучают грамоте и какому-нибудь мастерству¹². Широко известен пример матери художника А. Борисова. Она дала обет в случае благополучного исхода болезни отдать мальчика на один год в Соловецкий монастырь в качестве бесплатного работника, что и испол-

нила. Позднее А. Борисов вернется в монастырь и поступит в иконописную мастерскую. Оттуда была дорога в Петербург – вначале в рисовальную школу Общества поощрения художеств, затем в Академию художеств¹³. Широко были распространены массовые богомолья в монастырь во время навигации всего на три дня; это в собственном смысле богомольцы, паломники обоюбого пола и всех возрастов. Они съезжаются со всех концов России. Это богомольцы из Вятской, Вологодской, Пермской, Новгородской, Псковской и других губерний¹⁴. Основная волна богомольцев направляется на Соловки из Архангельска.

По прибытии в Архангельск паломники останавливались в гостинице Соловецкого подворья. В храме преподобных Зосимы, Савватия и Германа служили молебны, затем выходили через Святые ворота на набережную к Соловецкой пристани и садились на пароходы «Вера» и «Надежда», принадлежавшие монастырю. Им предстояло преодолеть Белое море и дойти до островной обители, чтобы поклониться преподобным Зосиме и Савватию, «Спасову Лику», приближенному в крестьянском миропонимании к слову «Спаситель», которое, как свидетельствует С.С. Аверинцев, «воспринималось как перевод по смыслу имени “Иисус”, его эквивалент»¹⁵. Особенно много богомольцев собиралось ко времени монастырского престольного праздника Преображения Господня. Это блестяще описано Б.В. Шергиным: «От Соловецкой пристани, что на Соломбальском острове (под Городом), отходили на празднество 3–4 августа Соловецкие пароходы... Золоченные кресты на высоких мачтах. Нос парохода, корма, основание мачт были украшены деревянной резьбой... Команда на всех пароходах монастыря состояла из монахов... Капитан... по-соловецки истово знаменуясь крестом, творит поясные поклоны. Сразу умолкнув, молится и тысячная толпа на берегу и на палубе, и в машине, и в каютах: “Молитвами преподобных отец наших Зосимы и Савватия, Германа, Иринарха, Елиазария Анзерского и прочих Соловецких чудотворцев, Господи Иисусе Христе,

святыи Боже, Помилуй нас! Аминь, аминь”, – гудит толпа. Начинается дивный в летнюю пору путь открытым морем...»¹⁶.

Из Архангельска же богомольцы следуют к Николаю Чудотворцу в Николо-Корельский монастырь. Никола, Микола, Николай Угодник, как замечает Г.А. Носова, «особенно почитался на Русском Севере, среди рыбаков-поморов, где он получил прозвище Морского»¹⁷. Именно в таком звучании (Микола Мокрый) этот святой особо почитаем. По издавна заведенной в Российском флоте традиции, моряки приходили в храм Николы Морского, как и паломники перед плаванием (читали молитву св. Николаю о спасении на море) и после благополучного возвращения в порт. «В народном сознании его образ сливался с образом самого Иисуса Христа»¹⁸. Он был «скорым помощником» в «гибельных случаях». Хорошо известна местная поговорка: «От Колмогор до Колы – тридцать три Николы». В этом фольклорном образе Никольские храмы, как тридцать три былинных богатыря, вышедшие из вод Студеного моря, охраняют рубежи северного «Лукоморья», служат путеводными маяками для всех плывущих и путешествующих по волнам моря житейского¹⁹.

Новым иеротопическим проектом входил в особое сакральное пространство Крестный монастырь, созданный патриархом Никоном на Кий-острове в Онежском заливе Белого моря. Кийский монастырь, названный им Ставрос (что по-гречески означает «крест»), воплощал в себе образ Святой Земли посредством большого креста-мошевика с частями палестинских святых, которым можно было поклониться в северном монастыре. Это воплощение Честного и Животворящего Креста вырезано в 1656 году по заказу патриарха в Иерусалиме. В него была вложена частица Животворящего Древа Креста, около 300 частиц мощей и другие реликвии. В Москве для него сделали дорогой оклад, и в 1657 году крест был препровожден в островную обитель. Он занимал место храмовой иконы в иконостасе. Впоследствии для него соорудили особый мраморный киот,

который установили на мраморную же плиту-подставку.

К святыням Палестины – частицам камней Гроба Господня, пещеры, где родился Христос, пещеры, в которой скрывался Иоанн Предтеча от Ирода, и другим, помещенным в звездах-ковчехах Кийского креста, можно было прикоснуться на Кий-острове. Так паломничество в северный монастырь приравнивалось к посещению Святой Земли. Однако в крест еще вложены и мощи святителя Филиппа Московского и других русских первоиерархов, святых покровителей царя Алексея Михайловича – Алексия, человека Божия, преподобного Михаила Малеина, равноапостольного Константина, благоверного великого князя Александра Невского и др. Все эти мощи были заключены в небольшие ковчег, сгруппированные в форме крестов и звезд. Как предполагает К.А. Щедрина, мощи святых из кийского реликвария понимались Никоном, наряду со святынями Палестины, как звезды, составляющие небесное сияние Креста²⁰. Приобщение к святым, чьи мощи составляют крест и чье заступничество искали молящиеся ко кресту царь и патриарх, стали важнейшей составляющей паломничества для многочисленных богомольцев, для которых сакральное пространство определилось особой зоной чудотворений, возникающих по мере раскрытия реликвария.

К мощам праведного Артемия, обладающим чудодейственной целебной силой и покоившимся вначале на паперти Веркольской приходской церкви, приходили поклониться сотни паломников. В 1610 году мощи были освидетельствованы и перенесены в церковь. Тогда же были составлены житие Артемия и служба во славу святого. В 1635 году возвели храм в честь Артемия, кельи для монахов, ограду вокруг них. Так на Пинеге возник Веркольский монастырь, который в 1649 году был утвержден указом царя Алексея Михайловича с вручением грамоты. Притягивали паломников и мощи преподобных Вассиана и Ионы, покоившихся в Пертоминском монастыре.

Главной святыней в пространственной зоне особых чудотворений была и чудотворная икона Богородицы Грузинской. В 1698 году холмогорские и архангельские жители обратились к архиепископу Афанасию с челобитной, в которой писали, что они, имея веру чудотворному грузинскому образу Божией Матери, находящемуся в Красногорском монастыре, за дальностью и отчасти «за скудостью имени ради моления Богородице к тому святому образу в красногорский монастырь обещания своего бытием исполнять» не могут «и молиться пред ним не сподобляются» и просили «пожаловать их повелеть оный образ Пресвятыя Богородицы из Красногорского монастыря ради всенародного моления и общей пользы» приносить в Холмогоры. Афанасий «по всеусердному своему намерению» грамотой от 22 мая установил ежегодно приносить чудотворный образ из Красногорского монастыря в Холмогоры с 1 по 10 июня «ради освящения града и христоробивых народов, требующих и Ея, Богородицы, помощи»²¹. С 1708 года этот чудотворный образ приносился из Красногорского монастыря в Архангельск: с 9 по 11 сентября икона находилась в Михайло-Архангельском монастыре, а затем с ней обходили город и на некоторое время оставляли ее в городском соборе. Так, в 1739 году и епископ Савва шел в город «в облачении с иконою Богородицы Грузинской и, обошед кругом города, пришел в соборную церковь, служил литургию»²². Таким образом, чудотворная икона становилась неотделимой частью иконно-пространственной среды, нового иеротопического проекта.

Как видим, каждый из упомянутых монастырей имел свою зону влияния, обладал своим набором объектов поклонения, с каждым из них связано осознание и самого локуса как святого места. Сама дорога к святыням уже была частью обета, богоугодного дела и несла на себе отпечаток сакральности: отрешенности от суетного мира. Подворья монастырей являются не только связующей нитью с монастырем, но и его символической манифестацией в геокультурном пространстве города.

Примечания

¹ Лихачев Д.С. Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / под общ. ред. Д.С. Лихачева. М., 1980. С. 41.

² Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 2.

³ ГААО (Гос. арх. Арх. обл.). Ф. 29. Оп. 36. Д. 172. Л. 6.

⁴ Лихачев Д.С. Сад и культура России // Декоративное искусство СССР. 1982. № 12. С. 38.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9. Л. 13, 14, 15об.

⁶ РГАДА. Ф. 137. Архангельск. № 1. Л. 22, 25об.

⁷ Попова Л.Д. Историко-культурный феномен Чухчерьмы // Архиепископ Афанасий и религиозно-культурное пространство Нижнего Подвинья (конец XVII–XX в.): материалы III Афанасьевских чтений, с. Холмогоры, 9 сентября 2006 года / сост. Л.Д. Попова, В.Н. Булатов; под общ. ред. Л.Д. Поповой. Архангельск, 2008. С. 52–53; Ее же. Генезис, структура и семантика геокультурного пространства Холмогор // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. № 4. 2009. С. 129–135.

⁸ Шергин Б.В. Из дневников 1942–1953 годов // Шергин Б.В. Изящные мастера / сост., предисл. и сопровод. тексты Ю. Галкина. М., 1990. С. 346.

⁹ Поплавская Х.В. Народная традиция православного паломничества в России в XIX–XX веках (по материалам Рязанского края): дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 65–66.

¹⁰ Пришвин М.М. За волшебным коlobком. М., 1984. С. 175.

¹¹ Ведерникова Н.М. Соловецкие паломники // Святыни и святые северорусских земель: сб. по материалам VII науч. регион. конф. / сост. и науч. ред. Н.И. Решетников. Каргополь, 2002. С. 133–141.

¹² Берг Ф.Н. Нечто о древности типа деревянных построек и резьбы в Важском крае // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1882. С. 5.

¹³ Назимова И.В. Александр Алексеевич Борисов. Жизнь и творчество. Архангельск, 1959. С. 6–7.

¹⁴ Федоров П.Ф. Соловки. Кронштадт, 1889; переизд. Архангельск, 2003. С. 50.

¹⁵ Аверинцев С.С. Иисус Христос // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 1. С. 490.

¹⁶ Шергин Б.В. Изящные мастера. М., 1990. С. 321.

¹⁷ Носова Г.А. Язычество в православии. М., 1975. С. 95.

¹⁸ Белов А.В. Святые без нимбов. М., 1983. С. 97.

¹⁹ Об образе Святого см.: Терехин Н.М. Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск, 1993. С. 16–19.

²⁰ Щедрина К.А. Некоторые историко-богословские аспекты монастырского строительства Патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим» / сост. и науч. ред. Г.М. Зеленская. М., 2002. С. 15–22; и др.

²¹ Акты исторические. СПб., 1842. Т. V. № 276. С. 502–503.

²² Туттов А.А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 167.

Popova Liudmila Dmitrievna

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences

TOWN CHURCHES OF ARKHANGELSK IN SACRAL GEOGRAPHY OF THE POMOR REGION

The article attempts to single out sublocal dominants of pilgrim visits made via the town churches of Arkhangelsk. It shows the role of town churches which are not only a link to monasteries, but also their symbolic manifestation in the geocultural space of the town.

Key words: Arkhangelsk, monasteries, town churches, pilgrimage, geocultural space, sacral geography of the Pomor region.

Контактная информация:

e-mail: popovald@arh.ru

Рецензент – Терехин Н.М., доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения Института социально-гуманитарных и политических наук, директор Центра сравнительного религиоведения и семиотики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова